

Вологодские губ. ведомости.

1900. 23 января. №22.

С. 3-4.

Театръ и музыка.

21-го января въ городскомъ театрѣ шелъ „Дядя Ваня“, соч. А. Чехова, во второй разъ и къ сожалѣнію при меньшемъ числѣ въ первый разъ сборъ. Это доказываетъ, что публика или отнеслась къ этой пьесѣ поверхностно и не дала себѣ труда вдуматься въ глубокий ея внутренній смыслъ, или была неприятно поражена будничными, слишкомъ правдивыми, колоритомъ пьесы. Здѣсь нѣтъ ни сценическихъ эффектовъ, ни приподнятыхъ искусственно чувствъ, здѣсь есть только правдивое изображеніе извѣстнаго типа людей, хотя для большинства незамѣтныхъ, но безусловно даровитыхъ съ теплою, чистой, отзывчивой душой, приносящихъ все свои силы и способности на благо другимъ, — подчасъ холоднымъ эгоистамъ, даже неспособнымъ оцѣнить всей самоотверженности ихъ жертвы.

Къ числу такихъ людей принадлежитъ „дядя Ваня“ — человекъ съ большими нравственными задатками, чистой хорошей, теплой душой, способный не только отомыться на все прекрасное, возвышенное, но и пожертвовать все свои силы для блага другихъ, оставивъ при этомъ въ сторонѣ собственное свое „я“. И онъ жертвуетъ этимъ „я“, оставаясь въ деревнѣ, посреди сѣрой будничной обстановки, убивая свои способности и силы на работу, которая безусловно не можетъ дать никакой нравственной ниши его возвышенной душѣ. Но, принося себя въ жертву благосостоянію ближнихъ, онъ жаждетъ, чтобы его оцѣнили — это его единственное утѣшеніе, могущее помирить его съ самимъ собой.

Онъ зарылъ свои таланты, заглушилъ въ себѣ стремленіе къ свѣту, разбилъ все свои лучшія надежды для человека, котораго считалъ выше, даровитѣе себя, человека, которому онъ поклонялся и вѣрилъ, вѣрилъ какъ въ Бога.

Отдѣлится отъ этого человека все мелочныя заботы жизни и тѣмъ дать ему возможность всего себя посвятить наукѣ и достиженію славы — составляло для „дяди Вани“ смыслъ той жертвы, которую онъ приносилъ, умиливъ для этого себя. И вдругъ кумиръ этотъ падаетъ съ своего пьедестала и своимъ паденіемъ парализуетъ и тотъ нравственный импульсъ, который онъ вызвалъ въ отзывчивой душѣ Ивана Петровича. Цѣлый рядъ лѣтъ меркантильной жизни погубившей дарованіе теряетъ свой смыслъ и вызываетъ жгучее до болѣзненности сознаніе безполезности, принесенной послѣднимъ жертвы. — Холодный эгоизмъ профессора зажигаетъ въ душѣ „дяди Вани“ ненависть доходящую до безумія. — Вся горечь накопленная рядомъ тяжелыхъ лѣтъ борьбы съ самимъ собой, вдругъ поднимается во всей своей силѣ и доводитъ „дядю Ваню“ почти до преступленія. Жажда новой лучшей жизни, стремленіе къ свѣту и добру вновь возстаютъ въ измученной душѣ и заставляютъ ее терзаться безвыходностью положенія. Жить бы снова, но какъ жить, когда все лучшія силы и стремленія погребены въ тинѣ будничной меркантильной жизни. — Угасъ

нутеводный огонекъ и все окружающее покрывъ мракомъ, хочется забыться и заснуть на вѣки. И „дядя Ваня“ приходитъ къ мысли о самоубійствѣ, какъ единственному возможному, по его мнѣнію, выходу. Но онъ ошибся и то, что онъ не могъ найти у себя въ душѣ своихъ измученныхъ тяжелыми думами, умомъ, тотъ священный огонь, который одинъ можетъ всегда согрѣть человека, находить и разжигать въ яркій свѣтъ чистое отзывчивое сердце его племени. Совесть, такъ же какъ онъ глубоко несчастливъ: горячее твердое религіозное чувство, озаряющее душу этой дѣвушкой, создавъ „дядѣ Ванѣ“ ту почву, на которой онъ можетъ встать твердой ногой. И онъ встаетъ, ищетъ для того, чтобы выжить съ этимъ чистымъ созданиемъ жить и работать для

Вологодские губ. ведомости

1900. 23 января №22

С. 3-4.

блага и счастья ближних. Роль „Дяди Вани“ для исполнителя крайне трудна, но несмотря на это г. Аркунинъ провел ее великолепно. Сидя за его игрой до самых мелких деталей, можно сказать одно, артист все сдѣлалъ, чтобы психологически верно и правдиво передать публикѣ символическій образъ „Дяди Вани“. — Сцена его объясненія съ профессоромъ въ III актѣ была, несмотря на свою трудность, одной изъ лучшихъ по своей обработкѣ. — Г. Чардынинъ въ роли доктора Астрова былъ очень хорошъ и выдержанъ. Вложивъ много чувствъ въ исполняемую имъ роль, онъ заставилъ публику полюбить Астрова, этого оригинала-скентика съ хорошей душой, такъ же какъ и „дядю Ваню“, придавленного сѣрыми, скучными сумерками недвижимаго угла. — Одно можно поставить на видъ артисту, это сцену во II актѣ, когда онъ выходитъ съ Воробей цыганкой, здѣсь безусловно надо было быть осторожнымъ и вести ее болѣе сдержанно. — Старый холодный эгоистъ профессоръ, разлагающійся физически, но нравственно желающій быть молодымъ, былъ изображенъ г. Каренинымъ болѣе чѣмъ удачно.

Касаясь женскихъ ролей, считаемъ долгомъ замѣтить, что роль Елены Андреевны не подходитъ по амплуа 1-жѣ Незлобиной, такъ же какъ роль Сони 1-жѣ Уминецъ. Жену профессора должна играть героиня, а роля Сони *ingenue-dramatique*. Не смотря на это г-жа Незлобина съ честью вышла изъ своего невыгоднаго положенія и провела роль прекрасно, доказавъ лишній разъ свое сценическое дарованіе. (Мать первой жены профессора). Правдиво и съ большимъ тактомъ вела она свою сцену съ мужемъ во II актѣ, одну изъ труднѣйшихъ въ ея роли. Г-жа Уминецъ при всемъ стараніи не могла дать яркаго изображенія личности Сони Войницкой, эта роль, какъ мы замѣтили выше безусловно къ ней не подходитъ и требовать отъ артистки болѣе того, что она сдѣлала, невозможно. — Г-жа Лаврецкая-Черкасова, г. Катанскій и г-жа де-Брюксъ провели свои маленькія роли строго обдуманно, чѣмъ и дополнили полноту картины. —

Въ заключеніе шель водевилъ „Прелестная незнакомка“, соч. Н. М. — Сыгранъ она была очень живо, чѣмъ и вызвала въ публикѣ полное одобреніе.

Вл. Чаниновъ.